

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

КЛУБНИЧНОЕ Е
ИСКУШЕНИЕ
ДЛЯ МАЙОРА ЗУБОВА

Мария Зайцева
Клубничное искушение
для майора Зубова
Серия «Практика любви», книга 11

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010599
2022

Аннотация

– Как ты здесь... – невольно отступаю на шаг, краснея под его жадным взглядом.

– Работаю, – голос у него все такой же. Заводящий до дрожи в ногах.

– Но ты же...

– Мы никому не скажем, да, Клубничка?.. – он шагает ко мне и резко прижимает к стене...

Моя практика – главный шанс на лучшую жизнь. В столице, в одном из самых крупных исследовательских центров нашей страны. И я его не упущу!

Вот только мое прошлое настигает внезапно. У этого прошлого – невозможно широкие плечи, невероятно горячие руки, безумно жадный взгляд. А еще у меня от него дочь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Встреча через время

– Станция «Воробьевы горы», следующая станция «Спортивная»...

– Черт! – я торопливо вскакиваю, забыв про стаканчик кофе, и, естественно, тут же об этом жалею. Потому что проехать свою остановку – не смертельно... Наверно. А вот пятно кофе на парадной блузе – это катастрофа!

Я пару секунд в немом ужасе наблюдаю, как по тонкой ткани расплывается коричневое безобразие, а затем, спохватившись на «Осторожно, двери закрываются», выскакиваю на платформу.

Не хватало еще и уехать в таком виде бог знает куда!

Я еще не привыкла к схеме метро, ко всем этим переходам, кольцевым, веткам разных цветов и прочему, а потому панически боюсь заблудиться.

Вот такой кошмар провинциалки.

Бог с ней, с блузой. Решим вопрос. А вот с проездом обратно... Ой-ой...

Выбегаю из поезда и сразу же отхожу в сторону, пытаюсь придумать, что можно сделать с гардеробом. Блуза испорчена, пятно в самом центре, кошмар невероятный!

Удачно начинается моя практика, ничего не скажешь!

Народу на станции мало, все же это будний день, а здесь нет предприятий, заводов, офисов, куда бы могли спешить сотрудники.

Потому я отхожу подальше, прячусь за в уголке, который уголком можно назвать очень даже условно, потому что с одной стороны – панорамные окна на Москву-реку и Лужники, а с другой – тоже панорамные, мать их, окна! Офигенная станция! А я-то, деревня, думала, что всё метро в столице – под землей!

Путем невероятных усилий и применяя всю отпущенную мне природой гибкость, вытаскиваю руки из рукавов пиджака, не снимая его. Кто хоть раз это делал, поймет весь кошмар ситуации.

А потом – так же – из проемов блузы. Она у меня, слава всем богам, без рукавов. В итоге – просто стягиваю ее через голову, застегиваю пиджак прямо на белье, удрученно пытаюсь прикрыть слишком откровенное декольте, получившееся в итоге, но затем, плюнув на все это дело, засовываю испорченную блузу в сумку и торопливо топаю к выходу со станции, уже не обращая внимания на красоту реки и на оформление самой станции, уставленной какими-то, непонятного назначения, высокими стеклянными столбами. Наверно, внутри них что-то должно быть?

Но сейчас мне некогда об этом думать.

Время поджигает, первый день моей практики в одном из крупнейших научно-исследовательских центров страны ско-

ро начнется.

И ничего его не испортит!

Даже кофе проклятый!

Здание центра находится на базе института физической химии, прямо на Воробьевых горах.

В другое время я бы насладились прогулкой, но сейчас несусь со всех ног, проклиная себя на высокие каблуки, неудачный наряд, вываливающуюся из декольте грудь, дурацкую узкую юбку и растрепавшиеся волосы.

А еще за то, что накануне, переволновавшись перед первым днем практики, долго не могла уснуть и, в итоге, проспала!

Никогда со мной такого не бывало!

Только первые недели после роддома, когда не могла привыкнуть к режиму, да и Сонька тоже давала веселья.

А затем – все.

Учеба, ребенок, подработка. И так по кругу.

Все для того, чтоб добиться своей цели. Вернее, своих целей.

И вот теперь, когда вот оно! Рядом! Практически!

Так все прое... Ох... Нет, никакого мата, никаких грубых слов, никакого курения, никакого алкоголя!

Катя, ты – хорошая, правильная студентка. Вернее, без пяти минут аспирантка! Одного из самых серьезных, самых престижных, самых лучших исследовательских учреждений страны!

Это – твой шанс, Катя! Это – будущее, твое и Соньки!

Все, аутотренинг завершен, будущее место практики – вот оно.

Выдохнула, выпрямилась, сделала вид, что такое декольте – задумано, и пошла! Пошла! Пошла!

Центр находится в одном из исторических зданий, как положено, с колоннами, высоким крыльцом и, наверняка, богатой историей. Я не в курсе, не успела вчера толком про здание почитать. Про сам центр, естественно, знаю все. Я же отличница.

Внутри прохладно, что очень кстати, учитывая мои красные от бега щеки. В огромном вестибюле – зеркала, я смотрю на себя, морщусь, стараясь делать это незаметно. Глаза горят по-дурному, губы красные, щеки – еще краснее, прическа... Не будем о грустном.

Матрешка. Боже мой, какой ужас...

Что обо мне подумают будущие коллеги? Провинциалка. Тося Бурлакова. Приехала Москву покорять. Осталось только «Вдоль по Питерской» затянуть да вприсядку пойти.

– Пропуск ваш, – рявкает надо мной грубый голос, и я реально чуть ли не повторяю подвиг героини из кино «Приходите завтра». То есть, не иду вприсядку.

Мамочки, да тут от страха и неожиданности и трусики намочить не мудрено!

Разворачиваюсь в сторону голоса.

Да... Голос – это ладно. Он тут – не самый пугающий фак-

тор. А вот рост, фактура и недвусмысленно распахнутый пиджак, не скрывающий перевязь с оружием – это да. Самые. Пугающие.

Парень, кстати, вряд ли старше меня, но смотрит настороженно. И уже вышел из будки охраны, направляется ко мне.

Похоже, посторонние здесь не бывают.

От слова «совсем».

А я ворвалась, да еще и у зеркала задержалась. Матрешка провинциальная...

– Простите? – голосок у меня получается тоненький и жалкий. Такой же, как и вид, впрочем.

Но сейчас это на пользу? Наверно.

– Пропуск ваш где? Я вас раньше здесь не видел. Посторонним сюда нельзя, режимный объект. Есть пропуска нет, покиньте помещение.

Ой, какой суровый...

– Пропуск мне должны были сделать, – из образа выхожу сразу, задираю подбородок и твердо смотрю в глаза. Первый шок прошел, парень уже не кажется страшным. Большой, конечно. Такой... Мишка косолапый. Грозный, но не пугающий.

Меня вообще размерами сложно напугать, особенно, учитывая определенный жизненный опыт.

Так что такая реакция, скорее, от неожиданности.

Парень смотрит в планшет, выглядящий игрушечно в огромных лапах.

– Фамилия ваша?

– Кудрявцева Екатерина Михайловна.

– Нет пропуска на вас.

А вот это уже... Ой... Но как же так? Я созванивалась с сотрудником центра! На меня должен быть пропуск!

Сердце начинает колотиться просто бешено, а только-только пришедшая в норму кожа щек снова пылает.

– Посмотрите еще раз, пожалуйста, – повторяю я настойчиво, – должен быть пропуск.

– Нет.

– Тогда позвоните, пожалуйста, Хохлову Семену Владимировичу...

– Не положено.

Боже мой, скала неприступная!

Нервничаю, достаю телефон и тут же роняю его на каменные плиты пола!

В шоке смотрю, как пластиковая коробочка разлетается на три составных части, и не могу пошевелиться!

Нет! Этого просто не может, не может быть!!! Только не сегодня!

Лихорадочно начинаю собирать телефон, пытаюсь соединить все части, но на стекле трещина, он не включается!

Неприступный охранник невозмутимо наблюдает за моими мучениями и не трогается с места.

Наоборот, кажется, настораживается еще больше!

Словно я террористка какая-то!

Встаю, оставив попытки реанимировать телефон, сдуваю прядь с пылающего лица. Спокойно, Катя. Ничего страшного. Просто небольшое препятствие. Мы его преодолеем. Обязательно.

– Пожалуйста, – решаю пустить в ход женское обаяние, говорят, у меня его – вагон, – позвоните Хохлову... Видите, неприятность произошла, так бы я сама с ним связалась...

– Не положено.

– Но бывают же форс-мажоры? Ну... Кто у вас принимает решения итоговые? – мне деваться некуда. Позади – Москва...

– Начальник службы безопасности.

– Тогда пригласите его, пожалуйста, – и твердо смотрю в ничего не выражающие глазки, – я настаиваю.

Охранник думает, но затем кивает и что-то малоразборчиво говорит в наушник.

Потом мы с ним молча ждем начальника. Стоя друг напротив друга. В полном, я бы сказала, ледяном молчании.

Наконец, хлопает какая-то внутренняя дверь, и из комнаты охраны, рядом с будкой, появляется высоченная мрачная фигура.

Я разворачиваюсь на звук и какое-то время щурюсь, вглядываясь в приближающегося мужчину.

Сначала с плохо скрываемым недовольством, затем с недоумением, затем с узнаванием...

И, наконец, с необъяснимым страхом.

Потому что начальник службы безопасности мне знаком. Очень близко, я бы сказала, крайне близко.

Именно из-за нашего недолгого знакомства я с некоторым пренебрежением и без боязни осматривала внушительную фигуру охранника.

Просто потому, что видела гораздо внушительней.

Видела, ощущала. Трогала.

Начальник службы безопасности исследовательского центра, где я буду проходить преддипломную практику – мой первый мужчина.

Моя первая любовь.

Отец моей дочери.

Кошмар какой...

Глава 2

Паника... Ой, то есть практика...

– Добрый день, – глубокий хриловатый голос, тяжелый внимательный взгляд... Ничего не поменялось. Вообще ничего.

Жадно разглядываю его лицо, ищу... Ну, хоть что-то. Искру малейшую узнавания. Не может же такого быть, чтоб не узнал, правда?

Только не после того, что было между нами. Не после его взглядов, от которых круги перед глазами от возбуждения, не после его шепота хриплого, словно надломленного: «Клубничка... Клубничка моя...»

Он меня так называл почему-то. Наверно, из-за геля для душа, самого дешевого, из фикс-прайса, которым я в то время пользовалась... Сейчас так не пахну. Наверно, и называть не будет больше...

Стоп, Катя! Ты о чем, вообще, думаешь? Как он тебя БУ-ДЕТ называть?

Никак не будет! По имени отчеству! В любом случае!

Но все же... Чего-то я определенно жду. И не дожидаясь.

Узнавания нет, лицо совершенно каменное, бесстрастное. Ну, может, вежливое внимание?

– Что случилось?

Я не могу пока ничего отвечать, боюсь рот раскрыть, и Антон, наверно, поняв, что от меня объяснений не дождется, коротко смотрит на своего подчинённого.

Тот тут же рапортует:

– Девушка говорит, что пропуск должен быть, от Хохлова, а его нет.

– А что Хохлов говорит? – Антон опять смотрит на меня, и я отвечаю ему хмурым напряженным взглядом.

Боже мой, я красная, наверно... И вырез этот... И юбка... И каблучки, чтоб их! Колени дрожат...

Машинально отслеживаю свое внутреннее состояние, как уже давно делаю, как привыкла, и прихожу в ужас.

Ничего себе я расклеилась! Это уже ни в какие ворота!

Конечно, часть этого тремора дикого можно списать на шок. Все же, не каждый день встречаешь того, кого и не планировала встречать. Вообще никогда. Только во сне, пожалуй...

Но в любом случае это недопустимо!

Я – уже давно не та восемнадцатилетняя студентка, очарованная грубой брутальной мощью взрослого мужчины.

Я, черт возьми, – преддипломница, умница-красавица, ответственная мама, будущий аспирант одного из самых престижных научных центров в стране!

Какого хрена?

Аутотренинг помогает, и я становлюсь ровнее, приказываю коленям не дрожать, а глазам не шарить беспардонно по

лицу моего первого мужчины в поисках возрастных изменений. Тем более, что их и нет. И это просто скотство.

Лучше бы он выглядел хуже.

Лучше бы у него было брюшко, круги под глазами от пива и соленостей на ночь... Ну и, что там еще?

Неважно.

Но лучше бы хуже.

Все, Катя, поздравляю. Скатилась до уровня восемнадцатилетки с ее рваным тупым сленгом.

– Я не связывался, по инструкции, – продолжает пояснять охранник, – а девушка телефон разбила, тоже не может связаться.

– И как теперь решать эту ситуацию? – спрашивает его начальник, по-прежнему не сводя с меня глаз.

Нечитаемый, но определённо внимательный взгляд ползает по лицу, по красным щекам, отчаянно подрагивающим и потому закушенным губам, ниже, надолго тормозит в районе декольте, и я последним усилием воли держусь, чтоб не пройтись по пуговкам пальцами, проверить, не расстегнулись ли... Узкая юбка приличной длины чуть ниже колен и туфли с остренькими носами тоже достаиваются внимания. А потом взгляд резко летит опять вверх – к упрямо выставленному подбородку и отчаянно блестящим глазам.

Я знаю, что выгляжу мышкой, загнанной в угол.

Но это не значит, что можно меня так игнорировать. И жрать.

Мышки могут кусаться. И бешенством заражать!

Особенно, если в норке за ее спиной мышонок прячется.

– Э-э-э... Отправить девушку за пропуском? – предполагает охранник, а я наконец-то, слава всем богам, прихожу в себя настолько, чтоб открыть рот:

– Или позвонить Хохлову? Понимаете, – тут я жестко смотрю прямо в глаза начальника охраны, – у меня сегодня первый день практики. Семен Владимирович меня ждет. Под консультации со мной отведена часть его рабочего времени. И не мне вам говорить, сколько стоит рабочее время такого человека. Я понимаю, что произошла накладка, но все можно решить малыми жертвами. Не правда ли?

– Правда, – кивает Антон, все еще рассматривая меня, и теперь в его глазах что-то мелькает... Узнавание? Да неужели!

Привычная упрямая ярость захлестывает меня (наконец-то!), приходя на смену шоку и растерянности. И мне уже не важно, узнал он меня, или нет. Потому что... Пошел он! Подальше! Как можно дальше! Можно прямо туда, куда в прошлый раз, четыре с половиной года назад!

– Так давайте сделаем это и не будем больше тратить время. Семена Владимировича, ваше и мое.

– Выпиши временный одноразовый пропуск, – командует, наконец, Антон, – я сам провожу Екатерину...

– Михайловну, – договариваю, обмирая опять от осознания, что он меня помнит!

– Екатерину Михайловну к Хохлову.

Если охранник и удивлен, то никак этого не выдает.

Молча идет к будке, Антон вежливо сторонится и жестом предлагает мне пройти через турникет.

Я, стараясь шагать твердо и уверенно, прохожу мимо. И мне кажется, или он в этот момент шумно вдыхает воздух? Словно хочет духи мои почувствовать. А вот облом тебе. Я не пользуюсь духами. Ничем не пользуюсь пахучим с тех пор, как Сонька начала покрываться аллергической сыпью.

Иду, а спину жжет взгляд, теперь уже однозначного узнавания. И внимания.

Ох... Очень надеюсь, что кабинет Хохлова на первом этаже. Ну, максимум, на втором.

Потому что надолго наедине с ним оставаться я пока еще не готова. Понимаю, что надо будет. В конце концов, он, наверно, должен узнать про дочь? Хотя, это тоже под вопросом.

Хотел бы – узнал.

Но сейчас я просто не готова размышлять на эту тему.

Впереди у меня первый день практики в лаборатории Хохлова, и надо на этом сосредоточиться.

Мы проходим через турникет, Антон невозмутимо указывает мне направление.

– Какой этаж?

– Третий. Лифты в самом конце этажа, рядом с лестницей.

Его голос почему-то становится ниже, интимно похрипывает... Или мне так кажется? Я не смотрю на него, просто

иду рядом и чуть позади, стараясь не отставать и не вырваться вперед.

Вся сосредоточена только на том, чтоб ставить ногу ровно и правильно, потому что высокие каблуки... Боже, о чем я думала, когда их надевала?

Увлекаюсь, настраиваясь на встречу с Хохловым и пытаюсь привести мысли в порядок, сознательно прячу испуг, удивление, и, черт его возьми, возбуждение от неожиданной встречи со своим прошлым на дальнюю полку, чтоб не мешали...

И потому не сразу понимаю, что мы свернули от лифтов к лестнице, а затем...

Затем широкая лапища ложится на мой локоть и неумолимо тянет в сторону...

В темный закуток под лестницей.

Глава 3

Разговор под лестницей

– Привет, Клубничка, – хрипло здоровается он, упрятав меня в уголок, словно паука муху. Загородив единственный выход своей массивной тушей и отрезав все пути отхода.

– Привет, – сдаюсь я, понимая, что разговаривать придется, отморозиться не удастся. Ну, как говорится, раньше сядешь... – неужели вспомнил меня, господин спецгент?

Ну не могу не съязвить! Слишком зла на него была долгое время. Отголоски этой злости до сих пор, наверно, где-то блуждают, раз выдаю такое.

– О как... Мелкая пакость раскололась? – он мрачнеет немного, но затем усмехается. И взгляд его в полутьме подлестничного пространства кажется немного пугающим и однозначно заинтересованным. Нечитаемость пропадает. Вниманье и интерес остаются.

А надо ли мне это?

– Если ты о моей подруге Маше, – спокойно поправляю Антона, – то да. Она сказала. Очень вовремя, кстати. Я как раз в полицию собиралась, требовать адрес морга, куда твое тело отправили.

Опять уколола, все же. Ну не могу сдержаться! Никак!

– Подруга даже... – он хмурится, пропуская мимо ушей

мою тираду, – вот как... Ну ладно. Какими судьбами сюда, Клубничка?

– Прекрати меня так называть! И выпусти уже отсюда! Что за манеры?

Я делаю шаг, чтоб обойти его и выскользнуть из замкнутого пространства, где становится совершенно нечем дышать, но Антон легко ставит на моем пути здоровенную руку, пресекая попытки бегства, и мягко ведет носом по макушке. Ой... У меня мгновенно ослабевают колени, дыхание перехватывает от такой близости.

И тело глупое сразу вспоминает не только то, что между нами было, но и сны мои дурацкие, недавние... С его проклятым участием!

Ну нет!

Нечего, нечего позволять такое!

Позволила один раз – и что?

И ничего. Тем более, что не один раз. Тем более, что сама хотела, аж трусики не держались на заднице!

Одно только воспоминание о том, насколько я была глупая малолетняя овца, приводит в чувство моментально. Взбадривает, похлеще ведра ледяной воды после парилки.

– Я ведь и закричать могу, – бесстрашно задираю подбородок, потому что мои десять сантиметров каблучков вообще не спасают ситуации. Он – все такой же здоровенный, я – все такая же мелкая. Здесь у нас стабильность.

– Зачем? – удивляется он, – мы же разговариваем просто.

– Ты меня удерживаешь силой!

– Клубничка, давай без патетики, – морщится он едва заметно, – просто здесь нет камер, можно спокойно поговорить.

– Нам не о чем говорить. Ты мне в прошлый раз все очень даже четко прояснил.

– Черт... Клубничка, если тебе коза белобрысая все рассказала, то ты должна понять...

– Я понимаю. И давно уже не думаю на эту тему ничего.

– А я думал. О тебе.

И вот тут, судя по всему, от меня ожидается мокрота в глазах и трусах заодно.

Но то ли грубое очарование Антона поблекло со временем, то ли я стала сильнее, но от настолько дешевого подката лишь злость пробуждается.

Хочется заорать, нахлестать его по щекам... А затем...

Ничего!

– Хорошо, – спокойно отвечаю явно не то, что от меня ожидается, – могу я теперь пройти? У меня сегодня важный день.

– Да, я слышал, первый день практики. У Хохлова. Как ты живешь, Клубничка?

– Прекрасно.

Он не делает движения, чтоб выпустить меня, я боюсь настаивать и прорываться силой. Потому что не прорвусь. Прикоснусь к нему, запутаюсь в себе, сгорю опять... Как дуроч-

ка малолетняя когда-то сгорела.

Может... Может, попробовать с ним хотя бы диалог наладить? Мне еще здесь практику проходить... И, затем, при удачном раскладе, аспирантуру...

Поздравив себя с появлением мозгов на их законном месте, в голове, то есть, облизываю губы и спрашиваю довольно миролюбиво:

– А как ты здесь вообще?.. Тоже задание? – и невольно отступаю назад, краснея все-таки под его жадным взглядом, устремленным на мои губы. Зачем облизывала?

– Работаю. – И голос у него... Голос все такой же, низкий сейчас, до дрожи в коленках опять. Ну вот как так получается?

– Но ты же...

– Нет, уже нет. Я просто начальник службы безопасности теперь.

– О... Хорошо...

– И, Клубничка... – он медлит, затем все же договаривает, – мы же никому не скажем? О том, кем я был? Да?

Я не успеваю ответить, он шагает вперед и прижимает меня к стене. Всем своим мощным, тяжелым телом.

И губы его у моего виска – согнулся специально. Чтоб достать, куда необходимо. Волна сладкой дрожи по телу – вниз! К ногам! И не только к ногам...

И руки большие на талии – сжимают – и резко вверх. По стене.

Ахаю, когда перестаю доставать ногами до пола. Словно кукла в его лапах!

– Клубничка... – легкие поцелуи по виску – вниз, к скуле, возле ушка, прикусывает мочку, все делает, все, для того, чтоб с ума меня свести! Удивительно! Или я настолько предсказуема, или он настолько уверен в том, что не буду сопротивляться? – Такая стала красивая... Я охренел, как увидел... А ты? Думала обо мне, а?

– Нет... Нет... – упираюсь руками в его грудь, обтянутую белой рубашкой, дрожу всем телом, беспомощно болтаю ногами, но в голове, кроме дурмана, навеянного его близостью и беспардонными действиями, еще и злость, увеличивающаяся пропорционально возбуждению глупого тела, – отпусти меня... Отпусти!

Повышаю голос, а затем, выпростав руку, бью его по лицу.

С оттягом и нескрываемым удовольствием.

И еще раз. И еще!

На четвертый раз он ловит мою ладонь и прижимает к стене. И меня всем телом прижимает, наваливается.

Дышит тяжело, словно перебарывает себя, пытается совладать с эмоциями и похотью.

А затем мягко ставит на пол.

И отходит на полшага.

Конечно, все равно еще очень близко, непозволительно близко, но все-таки я, по крайней мере, могу дышать. И это уже хорошо.

– Ты чего, Клубничка?

Он, кажется, удивлен? Правда, что ли? Господи... Мужчины – непостижимые существа...

– Не называй меня так!

– Почему? Ты пахнешь клубникой.

– Нет!

– Ну, мне-то лучше знать... Ты чего такая дикая?

– Антон... Кстати, как тебя по-настоящему зовут? Хоть имя-то настоящее?

– Настоящее. Каменев Антон Сергеевич.

Он хмурится опять, невольно потирает красную щеку. Недоволен. Ну еще бы, обломали с его желаниями!

– Так вот, Антон Сергеевич, я прошу вас впредь ко мне обращаться по имени отчеству и всякие... такие вещи... прекратить.

Ох, я – молодец. Так хорошо сказала, так хорошо веду себя! Смогла донести доходчиво!

– Понял. Когда заканчиваешь?

Не смогла.

– Это еще зачем?

– Встречу, прокатимся куда-нибудь, поужинаем, поговорим...

Точно не смогла.

Или Антон Сергеевич у нас непрошибаемый совершенно.

– Еще раз: я не собираюсь с вами общаться и встречаться. Про ваше прошлое рассказывать никому ничего не намере-

на, мне нет до этого дела. И до вас нет никакого дела.

Вот. Теперь точно донесла.

– Хорошо, – покладисто кивает, поправляет пиджак, не сводя с меня глаз. Внимательных таких. Жадных. Если все понял, зачем так смотреть? – Тогда, может, завтра?

Не понял.

Катя, ты не умеешь донести информацию! Позор тебе, Катя!

Хорошо... Выдыхаем. Губы не лижем, не исключено, что именно это в прошлый раз послужило триггером для решения прижать меня в темном уголке и распуścić лапы.

И еще разок. Как анекдот для дебила.

– Антон Сергеевич, я не буду с вами встречаться. Ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра.

– Почему?

Да что же за бред-то такой???

– Потому что я замужем, Антон Сергеевич, давно и счастливо.

Он молчит. И выглядит так, словно эта новость для него стала шоком.

А для меня шок то, что он даже не сомневался, что я соглашусь с ним встретиться после стольких лет отсутствия и его феерического исчезновения.

Какой-то... треш, не назвать по-другому.

– И дети есть? – неожиданно тихо спрашивает он.

– Есть. Дочь. Может, вы пропустите меня? Мой рабочий

день уже десять минут, как начался.

Он молча сторонится, пропуская меня к лестнице.

И так же молча топает следом. Не сопя в этот раз, словно возбужденный мамонт.

Нет, очень тихо идет, вежливо пропуская меня вперед, открывая дверь на второй этаж, указывая, в какой стороне лаборатория Хохлова.

Я иду, пытаюсь настроиться на рабочий день, отбросить в сторону все, что мне сейчас мешает.

И нет, никаких угрызений совести не испытывая от своего вранья.

Как и он, наверняка, когда говорил влюбленной в него без памяти девочке, что это не она такая, а он такой.

И не думая, что испытает эта девочка, когда чуть позже увидит репортаж про кровавый расстрел в пригороде и без труда угадает в одном из неподвижно лежащих на асфальте тел своего первого мужчину, свою первую любовь.

Бумеранг? Не, не слышали.

А вот возмездие... Вполне.

И звучит лучше. Правильнее.

Глава 4

Первый день практики

Хохлов Семен Владимирович – старший научный сотрудник и, оказывается, не мой непосредственный начальник. Но мой руководитель практики.

А начальство у нас – Васильев Евгений Федорович, руководитель отдела строения вещества, доктор физико-математических наук, фигура таинственная и мало уловимая.

В отделе имеется еще один сотрудник, но он как раз в отпуске, и так удачно, что я пришла к ним на практику аж на два месяца.

И вообще, удачно, что теперь в их сплоченных рядах есть девушка, да еще и такая красивая...

Из всего приветственного спича Хохлова я делаю вывод, что с женщинами у физиков-ядерщиков не густо, и на меня тут будут смотреть. Ну, пусть смотрят, главное, чтоб не трогали.

А то вон, уже начали, практически... Наглые начальники отдела безопасности...

Щеки опять краснеют от воспоминаний о горячих ладонях на талии, о шепоте искушающем: «Клубничка...». Ну прямо, как в снах моих развратных.

Хохлов радуется и умиляется, принимая мои красные

щечки за смущение перед его неотразимостью.

Усиленно предлагает чай-кофе, показывает рабочее место, рассказывает, в чем будет заключаться моя работа на время практики.

Я внимаю, привычно повесив на лицо выражение сладкой восторженной дурочки и записывая всю последовательность действий в лаборатории. Вообще, лаборатория не здесь, а рядом, в специальном корпусе, и вход туда по спец-допускам даже для сотрудников. Так что, не факт, что я там вообще побываю за все время практики. Конечно, я знаю о технике безопасности и прочем, но это еще не значит, что мои знания что-либо решат.

Весь март и до середины апреля я буду сидеть тут, в кабинете отдела строения вещества и, судя по настрою Хохлова, бесконечно приводить в порядок документацию. Бюрократия здесь, как и в любом учреждении, спонсируемом государством, занимает львиную долю времени. Ушедший в отпуск сотрудник как раз этим всем занимался, позволяя начальнику отдела и его заместителю спокойно погружаться в мир науки. Но, как я поняла, там человек сначала неудачно сломал ногу на Новый год, ударившись на ватрушке о дерево, потом брал больничный, а сейчас вообще взял отпуск за свой счет на два месяца для восстановления всего организма. Вполне вероятно, что потом будет лето (нет, лето будет обязательно, это просто выражение Хохлова такое смешное, настоящий ученый, привычно прикрывающий задницу), и

их коллега решит, что мало времени уделит восстановлению.

Тут-то с ним и попрощаются. При этом Хохлов на меня так многозначительно смотрит, что становится понятно: надо Катюше (фу, гадость какая, терпеть не могу такое сокращение моего имени) сильно трудиться. И тогда вполне возможно, что моя кандидатура в аспирантуру будет рассмотрена в положительном ключе.

Хлопаю ресничками, мило краснею, улыбаюсь, киваю. Вроде все?

Судя по довольному лицу Хохлова, все делаю правильно. – Так, Катюша, включай компьютер, вот смотри: здесь рабочие пароли, открываешь все вкладки, поочередно грузишь. Поняла? Вот здесь будут обновления. Их надо каждый день заносить вот сюда. И, при необходимости, создавать новые таблицы... Ты владеешь эксель? Сводную таблицу сделаешь?

Он спрашивает это с такой серьезностью, что не хватает сил сдерживаться. Фыркаю, зная, что очаровательно смотрю с этой гримасой, опять хлопаю ресничками:

– Конечно!

Вопроса, нафига нам эксель, когда я вижу перед собой вполне рабочую сирээмку и более чем уверена, что там можно любую сводную сделать, не задаю. Не надо умничать. Тем более в первый рабочий день. Тем более в мужском коллективе.

– Умничка какая, – умиляется Хохлов и незаметно стас-

кивает с пальца облучалку.

Боже, это так... мерзко. Но улыбка у меня не дрожит. И пальцы не елозят по вороту пиджака, пытаюсь запахнуть зону декольте.

Вот как так?

Я почему-то совершенно спокойно реагирую на этого, вполне симпатичного, хоть и глубоко женатого, судя по активному блеску в глазах, мужчину. Нет ни смущения, ни страха, даже интереса особого нет.

Я его препарировую, как лягушку, вижу все недостатки и достоинства, абсолютно хладнокровно выстраиваю стратегию общения с ним... Как робот. Как я всегда делаю, уже несколько лет.

Прямо с тех самых пор, когда поняла, насколько в этой мужской специальности не рады женщине. И здесь возможны только два варианта поведения, если, конечно, хочешь добиться успеха: либо ты становишься бой-бабой, с которой просто будут опасаться связываться, потому что кинется, бешеная, и горло перегрызет. Или милой-премилой очаровашкой-дурочкой, которую пропустят вперед только потому, что подвоха не ждут. Ну и трусы стянуть намереваются, естественно. И тут есть шанс, пока они ушами и членами хлопают, мягко подвинуть. Пройти первой, подсунуть свои наработки начальству, которое тоже: «Ах, прелесть, какая дурочка», а затем работу твою смотрят и охреневают. И дают добро именно тебе, просто на диссонансе.

Я сознательно выбираю второй путь.

Во-первых, не та комплекция, чтоб бой-бабой быть.

А во вторых, как говорит моя подруга Машка: «Наша сила – в инерции. Главное, взять разбег и правильно вычислить траекторию удара».

Я ей верю в этом вопросе, она знает, о чем говорит, она – чемпионка по карате бывшая. А теперь у нас в городе чемпионов и чемпионки растит.

Так что, я правильно вычисляю траекторию удара и верно беру разбег.

И на практику сюда, в это невероятно сладкое местечко, я попала не просто так. А тоже... Правильно все вычислив и вовремя подав заявку.

Все еще только ковырялись и ушами хлопали, а я уже в деканате сидела со всеми документами.

И вот я здесь. И опять все то же.

И как хорошо, что я умею распоряжаться оружием, попавшим мне в руки.

Умею общаться с мужчинами так, чтоб они ничего ненужного не заподозрили. Например, вопрос про сирээм явно сейчас насторожил бы Хохлова. И привлек дополнительное внимание. Хохлов – мужик, но, по-моему, не дурак. Сложил бы два и два.

А я пока что не готова напрягаться. Мне выгодно с недельку посидеть сладкой дурочкой за документами, изучить все материалы... И подготовиться к встрече с начальником от-

дела. Мне нужно показать ему себя с лучшей стороны. И в этот раз – не няшкой-стесняшкой, а компетентным сотрудником. Я собираюсь здесь работать и расти по карьерной и научной лестнице.

И вот Хохлову об этом знать пока что точно не стоит. А то были в моей жизни случаи, когда парни видели во мне конкурентку. И вот что я вам скажу: почуяв конкуренцию, да еще и от женщины, мужики начинают вести себя хуже баб! И остракизм включается, и игнор, и сплетни грязные, и переливание из ушей в уши всякого дерьма, и откровенное нащептывание начальству ереси про конкурента... Короче говоря, полный набор. Разве что, за исключением минета начальству. И то, в последнем я не до конца уверена...

Я хлопаю ресничками, улыбаюсь, мило прикусываю губки, складываю вместе ножки, невзначай светя коленками... Короче говоря, применяю все средства, какие могу. Мне надо быть милой и в то же время не провоцировать, чтоб несчастный женатик не решил, что я с ним флиртую, и не возомнил себя гордым орлом, еще так мало повидавшим в жизни.

Мне одного гордого орла за глаза...

Тем более, что с ним почему-то моя всегда холодная голова дает сбой и просто отказывается функционировать.

Я полностью прихожу в себя после разговора под лестницей и теперь четко понимаю, что, если б Антону вздумалось немного усилить напор... То я бы сдалась. Прямо там, под

чертовой лестницей. Мгновенно бы забыла про то, где я, кто я, и чего мне будет стоить эта моментальная потеря ориентиров.

А такие вещи позволительны девочке-первокурснице, но никак не преддипломнице и маме трехлетнего ребенка.

Девочка-первокурсница просто сошла с ума четыре с половиной года назад, когда увидела на стоянке возле универа потрепанный жизнью «патриот» и огромную махину водителя, лениво выбирающегося из него.

Водитель – здоровенный, мощный и невероятно brutальный мужчина, внимательно оглядывал двор универа, снующих туда-сюда студентов, чему-то усмехался, а затем неторопливо нажал на клаксон, оглашая окрестности диким звуком.

Оказывается, он приехал за своим младшим братом, совершенно на него не похожим, мелким и очень симпатичным парнем, похожим на яойного анимешного персонажа, по которым перлились мои однокурсницы.

Парень, на него, кстати, уже успела запасть моя тогдашняя подружка Лола, подпрыгнул, прекратил разговор с Вадимом Шатовым, одним из самых популярных третьекурсников универа, и поплелся к машине.

Я все это наблюдала, стоя на крыльце. Рядом терлась Лола и без конца щебетала про то, какой хорошенький этот Арсик Решетов, и какой он сильный и какой он смелый, и ах-ах-ах... А я провожала взглядом потрепанный «патриот» и не

могла выбросить из головы старшего брата этого Арсика Решетова... Просто не могла.

Ноги подрагивали, в горле сохло, а в трусиках мокло.

Дурочка малолетняя, что тут скажешь?

Влюбившаяся с первого взгляда, наотмашь, до боли и слез. До крови.

И ощутившая в себе в первый раз бешеное, неконтролируемое желание добиться своего, во что бы то ни стало.

И дальнейшие мои шаги были продиктованы исключительно этим безумным чувством, обрушившимся мне на голову, как говорил Мастер в «Мастере и Маргарите», убийцей в переулке.

И поразившей так же жестоко.

Я не скажу, что сожалею об этом, ни в коем случае!

Во-первых, я смогла понять себя, хоть немного, осознать, на что способна ради достижения цели. Пусть цель была негодной, но... Я ее достигла.

И во-вторых, если б я не заполучила этого хмурого жестокого мужчину, этого обманщика и предателя, то у меня не было бы Соньки.

А за Соньку я готова простить ему его жестокий обман и глупость.

Пусть живёт своей жизнью и меня не касается... Руками... Ничем! Ничем пусть не касается!

– Катюша, ты задумалась о чем-то? Глазки такие мечтательные...

Ох, чтоб тебя, Антон Каменев! Опять с верного пути норовишь сбить!

– Ах... – улыбнуться невинно и смущенно, – просто смотрю в окно, март такой солнечный... Я сегодня в туфлях пришла, совсем слякоти нет...

– Да, март в этом году – чудо, – с удовольствием подхватывает тему Хохлов, – кстати, скоро же восьмое! Будет фуршет, банкет и, возможно, концерт!

– Прекрасно... Но я не в штате...

– Ну что ты! В любом случае, ты – сотрудница! И прекрасная девушка!

– Пока еще не сотрудница... Пропуска у меня так и нет постоянного...

– Это что-то напутали в кадрах, что с них возьмешь? Куча бумажек... Я сам прослежу, чтоб сегодня у тебя пропуск уже был. Поговорю с Каменевым насчет тебя.

– Не стоит...

– Стоит! Чтоб больше сегодняшней сцены не повторилось. Не волнуйся, если Каменев поспособствует, то все решится очень быстро. Он слов на ветер не бросает. Возьмет тебя под опеку...

Вот уж в этом сомнений не возникает...

Глава 5

Лапочка-дочка

– Ей можно апельсины?

Машка хмурится в экран, параллельно что-то печатает в телефоне, прикусывая губу.

– Можно.

– Отлично, а то мама Лена спрашивала... Она – тот еще педант...

Мама Лена, чтоб вы знали, это – мама мужа Машки, Вадима. Хрупкая, темноволосая и очень красивая. И вообще на педанта не тянет. Наоборот, производит впечатление человека легкого, такая подружка больше, а не свекровь. Повезло Машке с ней.

– Ей все можно, я же тебе говорила... Что она сейчас делает?

Соньки не видно в камеру, но слышно ее возбужденный голосок где-то на заднем фоне.

– На Тиране катается.

Ой. А вот это... Ой.

Тиран – кавказская овчарка. Когда встает на задние лапы, передние легко кладет мужу Машки на плечи и вылизывает ему щеки. А в Вадиме, на минуточку, около двух метров роста.

Тиран мало лает, особо не вертится под ногами, но всегда везде успевает. Особенно в своей сфере. Например, прошлой зимой двое мужиков решили залезть к дом отдыха, который охранял Тиран.

Залезть-то они залезли.

Тиран, как и положено сторожу, подождал, пока нарушители окажутся по эту сторону забора, зафиксировал полный состав преступления... И пресек все попытки этого самого преступления.

К моменту, когда подбежала охрана, а они обычно подбегают в течение трех минут, все же под камерами, оба преступника были обездвижены и морально унижены. Их потом пришлось долго сушить, и не только потому, что Тиран порядочно извалял их в снегу.

И вот такой зверюга сейчас катает мою Соньку.

Машка, поняв по моему лицу, что душа у меня провалилась в пятки, тут же успокаивающе говорит:

– Ты чего? Она там с Вадимом, он держит, чтоб не свалилась. А вообще, Тиран всех наших вынянчил, Ванька, сын Черного, вообще его за хвост таскал...

– Все равно... Это собака.

– Ты права, – сдается Машка, – Вадим там, смотрит.

– Тренируется, что ли? – смеюсь я, ощущая облегчение от известия, что моя трехлетняя девочка не один на один сейчас с животным, больше похожим на медведя, чем на собаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.